

«Ты все же мой!» (Каролина Павлова)

Автор:

Елена Арсеньева

«Ты все же мой!» (Каролина Павлова)

Елена Арсеньева

Госпожа сочинительница

Главное предназначение женщины – заботиться о муже и детях, вести домашнее хозяйство. А если этого мало? Если в сердце горит огонь творчества, если любовное чувство выражается в виде поэтических строк? Для таких дам один путь – заняться литературой. Но на этом пути встречается столько терний и невзгод, что судьбам поэтесс позавидовать трудно. И все же – они прекрасны! О том, как жили и творили Зинаида Гиппиус, Каролина Павлова, Марина Цветаева и другие, прославившие себя в веках поэтессы, читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Елена Арсеньева

"Ты все же мой!"

(Каролина Павлова)

В мире нет ничего лучше воспоминаний. Они похожи на цветы, из которых твое израненное любовью сердце или неудовлетворенное тщеславие могут сплести себе какой угодно венок – от самого нежного, из незабудок, до самого пышного, из роз или даже лавров. Беда только в том, что эту истину о бесценности воспоминаний ты начнешь постигать, когда заживешься на свете столь долго, что твои незабудки и розы истончатся, высохнут, станут хрупкими и ломкими, а лавровые листья годны будут только для того, чтобы отправить их в суп для

прислуги. Да, впрочем, и от прежней любви или нелюбви, гордыни и тщеславия тоже останется лишь легкий, пыльный аромат, напоминающий аромат увядшего и обесцвеченного временем цветка.

Собственно, и когда ты уже проживешь долго, столь долго, что тебе начнет надоедать жизнь, ты перестаешь понимать: а зачем вообще это нужно – вспоминать прошлое? Не лучше ли мечтать о будущем... о том прекрасном и безмятежном будущем, которое ждет тебя в райских садах, где всегда свежи розы, и яркие незабудки, и горделиво шелестят лавры? И все же воспоминания нужны.

А проще всего воскрешаются они письмами.

Некая дама восьмидесяти шести лет, которая совсем уже собралась было унести в могилу прелестнейшие из воспоминаний своей юности (да, кажется, они ее за давностию лет уже и не посещали), получила письмо от сына своего бывшего возлюбленного – и испытала ощущение, похожее на то, кое возникло бы у каждого, ежели бы он вдруг встретил покойника – пусть и весьма нам некогда дорогого, однако все же... согласитесь, неуютно... даже страшновато... А уж если тому человеку сравнялось вышеупомянутое число годков (ужас, и помыслить страшно, когда ж это они, годки-то, промелькнуть успели?!) и он со дня на день исподволь готовится к тому, что архангельские трубы однажды вострубят и в его честь... Что же это означает? – немедленно возникнет мысль. А потом и следующая: неужто он, голубчик, явился по мою душу, чтобы сопроводить меня в мир иной?

Та дама, которая получила письмо в свои несусветные годы, до коих она невероятным чудом дожила-дотянула, научилась главному: блюсти достоинство. И еще делать вид, что все в ее жизни всегда свершалось и ныне свершается так, как и должно быть, именно так, как она сама этого хочет. А как же иначе, ведь насельник мира скорби не пучит на тебя страшные глаза и не клацает жутко зубами, костями не гремит, страшным воем не воет, а наоборот – голос из прошлого с очень даже приличными интонациями сообщает о своем к тебе вечном (вот уж воистину!) благорасположении... А потому следует растянуть в улыбке истончившиеся губы и сделать вид, будто безмерно счастлива встрече с призраком былого.

Точно так и поступила Каролина Карловна – даму, о которой здесь и далее идет речь, звали так, потому что отец ее, Карл Яниш, был существо оригинальное и назвал дочь в свою честь. Прочитав полученное послание, она подошла к своему письменному столу, угнездилась в удобном кресле и, придвинув чернильницу, окунула туда металлическое перышко. На заре-то туманной юности она строчила бойкие любовные письма, царапая по бумаге плохо очиненным гусиным пером, а теперь времена изменились, теперь, глядишь, станешь по стародавней памяти писать гусиным пером, так и угодишь в анахронизмы... В общем, вооружилась Каролина и написала чуть дрожащим почерком, но все же вполне бодро и размашисто (ведь всю свою жизнь она только и знала, что писала что-нибудь, а оттого рука у нее была набита): «Милостивый государь Владислав Адамович! Вы сообщаете, что собираете материалы, связанные с жизнью и творчеством Вашего великого отца, и просите прислать оригиналы или копии каких-нибудь его писем, ко мне писанных, буде они сохранились. Я была бы счастлива хранить их всю жизнь, однако мы никогда не переписывались. Я написала ему только два письма, которые вам известны, ибо они, по Вашему сообщению, сохранились среди бумаг Вашего батюшки. Он же мне никогда не писал. У меня имеется только его письмо к моему отцу. Это письмо я вам посылаю».

Да, кстати, а где оно, то письмо? Уже несколько лет миновало с тех пор, как Каролина Карловна разобрала всю свою корреспонденцию, которой, конечно, накопилось за жизнь очень много, рассортировала все черновики, избавляя от лишних хлопот будущих исследователей ее творчества. В том, что такие исследователи не замедлят появиться в самое скорое время после ее смерти, она не сомневалась: ведь в ее архивах хранились обращенные к ней автографы людей великих, давно уже справедливо (кто-то и несправедливо!) зачисленных в классики, от нежно любимого ею Боратынского до злыязычного эпилептика Достоевского... Где же, где же письмо?..

А, ну да, в той коробке с надписью: «Москва, 1828 год»...

Вот оно!

«С большим удовольствием узнал, что ваша супруга и mademoiselle Каролина здоровы и все еще немного помнят меня. Mademoiselle сделала в польском языке успехи, которые удивляют всех, кроме людей, знающих ее необычайные способности ко всем наукам. Как ее бывший учитель польского языка, горжусь,

что нашел такую ученицу. Ввиду того, что книги для начального обучения быстро отживают свой век, прошу передать m-lle Каролине два новых польских томика. Если ей угодно будет подарить мне взамен книжку, по которой она училась читать по-польски, она будет мне дороже всех парижских и лондонских изданий...»

Писано из Петербурга 23 декабря 1828 года.

Какой небрежный, дружеский тон! Общие слова, не более того. Можно подумать, что это просто упражнение в вежливости, что и в самом деле речь идет не более чем об уроках польского языка, которые ссыльный поэт Адам Мицкевич, вдруг нагрянувший в Москву, от нечего делать давал молоденькой поэтессе Каролине Яниш.

А на самом деле...

А на самом деле эти польские уроки были для нее только предлогом оказаться к Адаму поближе. Каролина тогда в одно мгновение смекнула: нужно предпринять нечто особенное, чтобы обратить на себя его внимание, иначе она затеряется в толпе посетителей салона княгини Зинаиды Волконской, куда ее, пятнадцатилетнюю поэтессу, автора нескольких очень недурных опусов, внезапно пригласили. Это правда, что хозяйка желала непременно слыть покровительницей муз, однако Каролина, несмотря на младость лет, понимала: не видать ей бы приглашения как своих ушей, окажись она красавицей. А в лучшем случае ее можно было назвать просто хорошенькой (и то с очень большой натяжкой!). К тому же не бог весть какое жалованье ее отца, преподавателя физики и математики в Медицинско-хирургической академии, не позволяло ей не только слыть законодательницей мод, но и даже пытаться соперничать роскошью нарядов с хозяйкой дома. По сути дела, семья Янишей жила на средства дядюшки. Отец был всецело занят своими научными занятиями, увлекался также астрономией, математикой, живописью, что позволило ему дать дочери отличное домашнее образование, но не сделало ее ни на йоту обворожительней и обольстительней.

Княгиня Зинаида Александровна с некоторых пор предпочитала приглашать к себе именно таких вот умненьких дурнушек. Хватит, надружилась с красавицами! Последней была Мария Антоновна Нарышкина, урожденная Чарторыйская. Мало того, что все гости пялились на нее как идиоты, не обращая

никакого внимания на элегантную роскошь обстановки. А ведь столовая у Волконской была зелено-горчичного цвета, салон – цвета мальвы, причем пол покрашен в черно-белые тона, что превосходно имитировало мозаику. Красота убранства была даже удостоена пушкинских строк.

Так вот, всего этого великолепия в присутствии Нарышкиной никто не замечал.

Но не только в том беда – Мария Антоновна еще и отбила у Зинаиды Александровны государя-императора Александра Павловича, к которому княгиня была отчаянно равнодушна и даже писала в его честь любовные стихи! С тех пор она и решила – все, покончено с прелестницами! Волконская сама будет царствовать в своем салоне, станет в нем первой красавицей, а последнюю может изображать... хотя бы эта девочка Яниш. О ней можно с чистым сердцем сказать:

– Она очень мила, не правда ли?

Нет, ну правда мила... Девушка в совершенстве владеет немецким, французским, английским, итальянским, испанским, латинским и древнегреческим языками, великолепно знает литературу, играет на фортепьяно и неплохо рисует. В Москве она слывет девицей, одаренной самыми разнообразными и самыми необыкновенными талантами. Уже переводит на немецкий и французский языки стихотворения Пушкина и других современных русских поэтов. Да и сама пишет стихи по-немецки и по-французски!

Каролина привыкла считать себя и в самом деле одаренной, талантливой, умной. Однако почувствовала, что ее достоинства – не более чем забавные умения дрессированной мартышки, когда княгиня Зинаида Александровна с забавной усмешкой начала рекомендовать свою протеже польскому гостю. Каролина впервые в жизни готова была все свои знания и таланты отдать за такие прежде презираемые ею «дамские мелочи», как блеск больших глаз, роскошные формы, бело-розовый цвет лица, лоснящиеся черные локоны, спадающие на лебединую шею, – словом, за все то, чем так щедро была наделена Зинаида Александровна и на что так алчно взирал польский гость.

А Каролина с первого мгновения смотрела только на него.

Боже, как же он был красив!

«Он был высокого роста, худощав и казался лет тридцати. Черты смуглого его лица были выразительны: бледный высокий лоб, осененный черными клоками волос, черные сверкающие глаза, орлиный нос, а густая борода, окружающая впалые желто-смуглые щеки, обличала в нем иностранца».

Прочитав спустя несколько лет «Египетские ночи» Пушкина, Каролина едва не зарыдала при описании итальянского импровизатора. Совершеннейший портрет Адама Мицкевича! И вообще – вся сцена списана с натуры. Именно так вдохновенно он и декламировал только что пришедшие на ум строки о силе творчества:

Поэт идет – открыты вежды.

Но он не видит никого;

А между тем за край одежды.

Прохожий дергает его...

Нет, стихи были другие, Каролина потом не могла припомнить, какие именно читал Мицкевич. Пушкин потом вложил в уста героя свои стихи, а тогда, у Волконской, восхищенный, вскочил с места и, бегая по комнате, кричал:

– Какой гений! Какой священный огонь! Что я после него... – Затем обнял Мицкевича и осыпал его поцелуями.

Читал польский поэт стихи и о вечной и неизменной любви, которая может вспыхнуть в один миг, пылать только день – и остаться самым сильным событием в жизни человека. Боже мой, какое у него было в то мгновение лицо!

«Импровизатор чувствовал приближение Бога... Лицо его страшно побледнело, он затрепетал как в лихорадке; глаза его засверкали чудным огнем; он приподнял рукою черные свои волосы, отер платком высокое чело, покрытое каплями пота... и вдруг шагнул вперед, сложил крестом руки на груди...»

Каролина смотрела в эти сверкающие черные глаза как замороженная. И вдруг ей отчего-то стало неуютно. Оглянулась: это что еще за низкорослый, плотненький, светловолосый и светлоглазый, можно сказать, бесцветный

человечек? Он с нее глаз не сводит!

Оказалось, это спутник заезжего красавца Киприан Дашкевич. Но он не стоит ее внимания, в нем ни на крошечку нет романтики!

В Мицкевиче же романтика была через край. И хотя прежде Каролина опасалась даже глядеть на мятежников (а поляки, как известно, всех русских ненавидят и все мятежники!), нынче даже его недобрая слава пленяла ее. Арестован в 1823 году за участие в тайной студенческой организации, борющейся за освобождение Польши, полгода провел в заключении, выслан во внутренние губернии империи, прожил несколько месяцев в Одессе... Бунтовщик!

И тут Каролина вдруг вспомнила, что и в ней есть четверть польской крови. В ее жилах та же кровь, что и у него. А русской крови ни капли нет. Ах, кажется, правы мятежники, которые уверяют, будто русские угнетают поляков, будто третий раздел Польши был несправедлив... Особенно если это утверждают такие красивые мятежники...

А как Мицкевич образован! Каролина краем уха услышала его торопливый разговор с Пушкиным.

- Вы читали Газли? - спросил поляк.

- Нет, - ответил русский поэт.

- А Шлегеля?

- Нет.

- А Сизиди?

- Нет.

Затем Пушкин скоро удалился. Мицкевич не скрыл своего удивления. Причем он удивлялся не столько недостатку литературного образования в Пушкине, сколько тому, как он с таким скудным запасом сведений и без нужных руководств мог произвести то, что произвел. Это истинный гений, прибавил он, и

если он не почиет на лаврах и сам почувствует необходимость дальнейшего образования, то пойдет далеко.

Вот тут-то, спохватившись, что нужно отвлечь внимание гостя, который с истинно шляхетским гонором сейчас дойдет до того, что станет русских гениев учить, как жить и как писать, Зинаида Александровна и подвела Мицкевича к Каролине, скромно сидевшей в уголке и не сводившей глаз с красавца-поляка. И только головой покачала, когда эта девочка вдруг затрещала о своем желании непременно, обязательно, немедленно выучиться по-польски. Не так уж она и проста, оказывается, эта Каролина Яниш...

У Адама насмешливо сверкнули глаза. Ну вот, не успел оказаться в Москве, как начал разбивать вдребезги женские сердечки. А ведь ему рекомендовали эту Каролину серьезной девицей... А впрочем, как это прелестно писал новый друг Пушкин:

Не дай мне Бог сойтись на бале.

Иль при разъезде на крыльце.

С семинаристом в желтой шали.

Иль с академиком в чепце!

Однако по слухам, долетевшим до Мицкевича, у сего «семинариста в желтой шали» очень не бедная родня. Пожалуй, Каролину Яниш можно считать неплохой невестой... Конечно, она не красавица, но жена и не должна быть красавицей. Воспоминания об объятиях одной такой волшебницы-чудесницы-чаровницы, встреченной в Одессе, еще не остыли у Мицкевича...

Самое забавное, что из-за той же феи Пушкин чуть не покончил с собой в той же Одессе. Мицкевич оказался в этом чудном городе позднее русского поэта, и, разумеется, до него дошло множество сплетен о той, по которой убивался ссыльный Пушкин, но при этом он еще и боялся прекрасной полячки... Да-да, она оказалась соотечественницей Мицкевича, притом какой опасной! Адам отлично знал, что эту даму считают агентом самого Бенкендорфа в Польше, а любовник ее, связь с которым длится уже множество лет, сам генерал Витт, истинное пугало Польши, бывший генерал-губернатором Варшавы. Но не этого следовало страшиться в обворожительной Каролине Собаньской – она ведь урожденная Ржевусская, а все представительницы этого рода наделены поразительной

обольстительностью. Вот чего боялся Пушкин.

И не зря.

Едва оказавшись в Одессе, Мицкевич постарался попасть в салон Каролины Собаньской. И очень скоро преуспел у этой дамы, любительницы высоких брюнетов, тем паче если они – поэты.

Своим успехам он посвящал стихи:

Спокойной ночи! Дай в твои глаза взглянуть.

В твое лицо... Нельзя? Ты слуг позвать готова?

Спокойной ночи! Дай я поцелую грудь!

Увы, застегнута!.. О, не беги, два слова!

Ты дверь захлопнула... Спокойной ночи снова!

Сто раз шепну я: «Спи» – чтоб не могла уснуть.

Прекрасная пани Собаньска даже взяла Мицкевича с собой в путешествие по Крыму!

Правда, с ними третьим лишним был генерал Витт, в то время уже назначенный начальником русских военных поселений на юге... Потом Мицкевич узнает, что именно в эти дни Витт бомбардировал письмами императора Александра, рассказывая об активизации тайного Южного общества, настаивая на немедленном аресте его предводителей Волконского и Пестеля, но Адаму было в те дни наплевать на все на свете свободолюбивые устремления, как русские, так и польские, – он был совершенно полон Каролиной...

Какое, однако, странное совпадение! Та (в Одессе) Каролина, и эта (в Москве) тоже. Но в Одессе он принужден был лишь «объедки» с барского стола подбирать, с первой минуты зная, что эта связь долго не продлится и он рано или поздно получит отставку. А здесь, такое ощущение, можно сделать очень недурную партию.

Вообще, ему давно это приходило в голову: найти в России по-настоящему богатую невесту. Можно поправить свои запутанные финансовые дела, подлатать, как говорится, кунтуш и наточить карабелю...[1 - Старинное название польской сабли.] Можно внести крупные суммы в дело шляхетского освобождения... Можно обеспечить себе прочные тылы, если это самое дело провалится, чтобы было куда скрыться и зажить привольно, например, в Париже.

Да, пожалуй, стоит дать несколько уроков польского языка этой московской Каролине... А там посмотрим! В конце концов, ему с его мозолистым сердцем, которое после расставания с Собаньской покрылось новыми шрамами, не пристало бояться нескольких булавочных уколов: ведь стрелы Эрота для него не более чем булавки!

Итак, уроки польского...

Человек предполагает, а бог располагает. Для романтика и эгоиста Адама Мицкевича богом была отнюдь не Речь Посполита, о любви к которой он так громко кричал на всех перекрестках. Для него богом, властелином всех поступков и мерилom всех желаний было лишь собственное сердце. И вот на сей раз оно вдруг расположено не на шутку увлечься молоденькой москвитянкой с длинными русыми косами, окруженными вокруг головы, и серьезным взглядом исподлобья.

Адам почти влюбился и сам не мог понять, как это произошло. У простушки оказался совершенно гениальный темперамент! Интересовал ее только один, как выражаются люди умные, пласт лексики: слова любви. Она спрашивала, как по-польски «черные глаза», «я никого не видела красивей вас», «я счастлива этой встречей, которая перевернула мою судьбу», «я потеряла свое сердце»... Адам вообразить не мог, что невинная шестнадцатилетняя, а может быть, даже еще пятнадцатилетняя девица способна воспламенить опытного человека таким простым способом, как переводы с русского на польский и наоборот! И, разумеется, если двое беспрестанно обмениваются любовными признаниями (даже если делают вид, будто их интересуют только орфография и пунктуация), это может очень далеко завести их по пути искушения!

Например, берет тебя вышеупомянутая девица за руку и прикладывает к своему белому плечу (и даже чуточку ниже!), чирикающая при этом:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Старинное название польской сабли.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/ty-vse-zhe-moy-karolina-pavlova>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)